летнюю давность: „и много лет преидоша, до 300 лет от перваго начала Казани от Саина царя“.[1] В соответствии с представлениями правящей верхушки Казанского ханства, автор „Казанской истории“ утверждает, что Казань и в первый раз (золотоордынским ханом Саином) и „второе зачася от другого царя Ординского“. Позднее, описывая события XVI века, автор снова напомнит о том, что „не от князей и воевод или от простых людей строима бывает Казань, но от царей“.[2] Волхвам, советовавшим покориться московскому царю, казанцы надменно отвечали: „Мы ли хотим подручники быти московскому держателю и князем его и воеводам ... достоит нам ими владети и дани у них взимати: яко же прежде они бо царем нашим присягали и дани давали, и мы есмя тем изначала господие и оне раби наши и како смеют или возмогут наши раби нам, господем своим, противитися“.[3]

Так татарская националистическая историография соотносила возникновение Казанского ханства, явившееся следствием распада Золотой Орды, с периодом ее расцвета, обосновывая этим его „права“ на продолжение тех же отношений с Москвой, в каких состояла Русь к Золотой Орде вскоре после ее завоевания Батыем.

Для чего же автор „Казанской истории“ вовлек в свое изложение националистические легенды казанских феодалов и как связал он их со своей концепцией?

Утверждая, что Русская земля „от начала“ „была едина“, что и область, „идеже ныне стоит град Казань“,[4] некогда принадлежала Руси, автор изображает и борьбу за эти земли как справедливую; эту борьбу направляет не стремление захватить чужие земли, а право на возвращение своих владений. Поместив казанские легенды об основании Казани преемником Батыя, автор тем самым представил казанское „взятие“ как завершение борьбы с Золотой Ордой, а Ивана IV — продолжателем исторического дела московских государей.

Ряд сведений, сообщенных „Казанской историей“, как мы уже сказали, автор мог почерпнуть только из личных наблюдений или рассказов очевидцев. К таковым относятся рассказы о потоплении черемисами „ладейной рати“ под начальством кн. Ивана Бельского в 1524 году, сообщение о причине внезапной смерти казанского хана Сафа-Гирея („пьян, руце свои и лице умывая, напрасно запенся ногами своима и ударися во умывальны темец главою своею и заразися весь о землю“), подробности, относящиеся ко времени регентства Сумбеки и ее фаворита Оглана Кощака. Но наибольшей полноты достигают сведения автора о Казани в описании осады ее русскими войсками в 1552 году.

Краткие сведения, касающиеся положения в стане русских полков, почерпнутые из летописных источников, перемежаются в „Казанской истории“ с подробным красочным описанием положения осажденных казанцев, то уверенных, что их город „яко великая гора каменная твердо стояше и неподвижно ни откуду же от сильного бьения пушечного шатаяся“, то в панике прибегавших к помощи „иноземцев“, которые остались в осаде.

Не ожидая помощи извне, казанцы „затвориша Бухар и Шамахан, и Турчан, и Армян“. Особо были задержаны, по словам „Казанской истории“, „Турчане и Армень“, ибо их считали „огненному бою гораз-

---

[1] Q. 26-П, л. 57.
[2] Там же, л. 134.
[3] Там же, л. 57.
[4] Там же, л. 3.